

**Беллетристическая пушкиниана XIX—XXI веков.
Современная наука — вузу и школе: Материалы
Международной научной конференции 20—23 октября
2003 г. — Псков: ПГПИ, 2004. 468 с.**

Сборник статей «Беллетристическая пушкиниана XIX—XXI веков», вышедший осенью 2005 г., стал итогом работы Международной научной конференции, проходившей в Пскове в 2003 г. Общая установка, которой объединяются все статьи этого издания, — стремление осмыслить разноприродный литературный генезис творчества Пушкина и беллетристики XIX—XXI вв. Строго говоря, в сборнике речь идет о «пушкинском тексте», понятием в самом широком диапазоне — от функционирования в беллетристике интертекстуальных элементов до воссоздания образа самого поэта в разнообразных контекстах. Отсюда одна из доминант сборника, которую можно обозначить как «сопоставление несопоставимого». Во многих статьях соплагаются два совершенно различных ряда: пушкинский и беллетристический, при этом беллетристика предстает как бы в качестве «художественного зеркала», в котором отражаются (часто с заметными искажениями) образ и творчество Пушкина.

Сборник состоит из пяти разделов, в каждом из которых освещаются актуальные проблемы «пушкинианы».

Первый раздел «Теоретический и исторический аспекты беллетристической пушкинианы» открывает статья *С.И. Кормилова*, где задаются общие теоретические аспекты исследования, в частности выделяется объект анализа. Так, автор отграничивает пушкинистику от пушкинианы и, далее, беллетристическую пушкиниану от разного рода мемуаристики и суждений о Пушкине его современников (с. 5). Определяя понятие беллетристической пушкинианы, исследователь анализирует образ Пушкина в различных поэтических и прозаических контекстах, выявляя своего рода «законы изображения» Пушкина в беллетристике.

Общие вопросы рассматриваются также в статье *В. Суны* «Пушкиниана в современной русской прозе». Однако в отличие от предыдущей работы польская исследовательница более *описывает*, нежели *объясняет*. Цель статьи — анализ пушкинского интертекста в творчестве писателей, объединенных ею под эгидой «русского постмодернизма» (Вен. Ерофеева и С. Довлатова). Здесь хотелось бы заметить, что принципы анализа классических текстов (часто подразумевающих однозначную аксиологическую позицию автора) исследовательница иногда применяет по отношению к тексту принципиально «иной природы» — тексту постмодернистскому, который в силу нечеткости авторских интенций уклоняется

от однозначных интерпретаций. Так, например, анализируя образ Пушкина в поэме Вен. Ерофеева «Москва—Петушки», автор интерпретирует знание пушкинских стихов Евтюшкиным (один из героев поэмы Вен. Ерофеева) следующим образом: «<...> в связи с упоминанием, что Евтюшкин знал наизусть пушкинские стихотворения, утверждается как вечное стремление человека к высокому, так и привычка использовать это высокое для не всегда благородной цели <...>» (с. 37). На наш же взгляд, Вен. Ерофеев не просто показывает «вечное стремление человека к высокому», но скорее иронически обыгрывает этот классический концепт русской литературы.

Если В. Супа анализирует литературную личность Пушкина (как бы вновь «создаваемую» в постмодернистских контекстах), то ответственный редактор сборника *Н.Л. Вершинина* в статье «О беллетристическом генезисе пушкинской романной формы («Дух россиянки» А.Ф. Кропотова)» обращается к вопросам, носящим более формально-литературоведческий характер. При этом, определяя место Кропотова в пушкинском окружении, автор применяет прием «обратной перспективы» — не только описывая Пушкина в творческом восприятии Кропотова, но и Кропотова в творческом восприятии Пушкина (ср. анализ пушкинской «Тени Фонвизина», где Кропотков представлен под именем Кропова).

В этом же разделе напечатана работа *В.П. Старка* «Псковский текст у Пушкина (исторический аспект)», которая посвящена рассмотрению исторического аспекта псковского текста в его различных «жанровых отражениях».

Вторую часть книги — «Беллетризация образа Пушкина в литературе» — можно определить словосочетанием «о Пушкине». Здесь образ Пушкина предстает в разнообразнейших контекстах, начиная от воссоздания этого образа на эпистолярном материале (*Ю.В. Дмитриева* «Образ Пушкина в переписке Г.С. Батенькова») и заканчивая трактовкой этого образа в сценическом ключе (*А.Г. Разумовская* «А.С. Пушкин как сценический персонаж (по материалам пушкинских театральные фестивалей в Пскове)»).

Раздел открывается статьей *И.В. Кощенико* «А.С. Пушкин у А.Ф. Вельтмана в «Воспоминаниях о Бессарабии» и «Приключениях, почерпнутых из моря житейского»», где исследуются интересные проблемы «мифологизации» образа Пушкина. Однако большую часть статьи все же занимают вопросы «пушкинистики», а не «пушкинианы», ибо автор сопоставляет разные мотивы и образы в творчестве Пушкина и Вельтмана.

Интересна статья *Е.В. Сашиной* «Александр Дюма об Александре Пушкине», где возникает семиотическая проблема взаимодействия двух различных культур, которое рассматривается в ракурсе пушкинского мифа. По сути дела, в статье анализируется не просто проблема «перевода» пушкинской поэзии, но проблема

семиотического «перевода» самого образа Пушкина, функционирование образа русского поэта в иной («чуждой») культурной среде.

Примерно такие же проблемы поднимаются и в статье *М.Д. Ковалевской* (студентки МГУ) «Пушкин как эпизодический персонаж в советской беллетристике 50—60-х годов». Только роль «чужой культуры» выполняет культура советская (а не французская, как в предыдущей статье). В работе показывается, как пушкинский миф в советской культуре превращается в пушкинский стереотип, состоящий из идеологических установок советской власти вперемешку с цитатами из статей Белинского (ср. остроумный анализ эпизода из романа Ю. Гаецкого «Гоголь», где Пушкин в разговоре с Гоголем отстаивает принципы советской романной прозы). Естественно, что такой Пушкин мог появляться только как эпизодический персонаж, как некая абсолютная «декларация» идеальной поэтичности. При этом автор наряду с описанием подобного стереотипного образа Пушкина выделяет целый комплекс «клишированных» мотивов и идеологических формул (через которые происходит осмысление образа поэта), показывая аберрацию «культурного» зрения.

Третий, наиболее объемный раздел, «Текстовые переключки творчества А.С. Пушкина и писателей-беллетристов», посвящен интертекстуальным вопросам. Как можно предположить, в разделе преобладает техника «сопоставительного» анализа, при этом анализируются не только переключки литературных текстов, но также переключки разных родов, жанров и видов искусства (см., например, статью *Е.В. Каманиной* «Переделка пушкинского “Бориса Годунова” в одноименном киносценарии Дм. Мережковского и З. Гиппиус»), предлагаются неожиданные текстуальные сближения и сопоставления.

По критерию «текстуальных сопоставлений» статьи этой части сборника можно разделить на два типа. В работах первого типа анализируется специфика воплощения пушкинских образов и мотивов в творчестве современников и «потомков» (например, *Е.А. Балашова* «Рефлексия пушкинской прозы 1830-х гг. в творчестве О. Сенковского»). В статьях же второго типа описывается функционирование разного рода культурных аллюзий и реминисценций в творчестве А.С. Пушкина. Так, в статье «Сюжет об Олеге Правителе Карамзина в “Песне о вещем Олеге” Пушкина и русской беллетристике XIX—XX вв.» *Л.И. Сигида* подробно прослеживает эволюцию и семантическую трансформацию известного летописного сюжета. Показано, как этот сюжет функционирует в различных художественных системах, где (в соответствии с семиотическими законами) он получает различное наполнение. Такое сквозное прослеживание «истории сюжета» позволяет автору не только интерпретировать тот или иной художественный

текст, но и верифицировать сами критерии этой интерпретации при помощи «принципа контекста» (с. 143), а также чрезвычайно удачно выявить «логику поэтической мысли» при трактовке этого летописного сюжета (с. 146). К сожалению, автор обошел вниманием статью В.А. Кошелева «Вещий Олег»¹.

Еще один ракурс, позволяющий дать оригинальные интерпретации пушкинского творчества, — это ракурс жанровый. Такой подход хорош тем, что он в некоторой степени «формализует» приемы и выводы исследования. Так, в статье *Л.А. Сапченко* «“Египетские ночи” А.С. Пушкина в свете жанровой традиции» дается жанровая типология «вечеров» и «ночей», а также производится мотивно-образный анализ, который позволяет исследовательнице ответить на некоторые вопросы, касающиеся «Египетских ночей», в частности на вопрос о «завершенности композиции» этого неоконченного произведения.

В работе *Ю.А. Смирновой* «Нравоописательные романы Ф.В. Булгарина в творческой истории романа А.С. Пушкина “Русский Пелам”» также рассматриваются литературно-исторические проблемы, связанные с жанрами. В статье исследуется специфика русского нравоописательного романа и выявляются причины обращения Пушкина к этому жанру. Анализируются отличия «гипотетического» романа Пушкина от других образцов этого жанра.

С неожиданной точки зрения рассматривается творчество Пушкина в статье *Г.В. Зыковой* «Пушкинские цитаты в “Современнике” 1847 года». Контекстом для пушкинской поэзии выступает на этот раз некрасовский «Современник». Анализ функционирования цитат позволяет исследовательнице воссоздать «образ поэта-классика», который складывается уже в то время.

В том же разделе напечатаны содержательные статьи *Н.В. Цветковой* «Миф о Петре (Р.М. Зотов и Пушкин)», *И.В. Мотеюнайте* «Пушкинские цитаты у Н.С. Лескова» и др.

Четвертый раздел сборника посвящен анализу «функционирования “пушкинского мифа”», в связи с чем сразу же возникает вопрос: чем отличается пушкинский миф от образа Пушкина в литературе? Видимо, тем, что пушкинский миф (как, впрочем, и любой другой миф) покидает художественное поле литературы и теснейшим образом оказывается связанным с внелитературной действительностью.

Именно такой ракурс анализа пушкинской мифологии мы находим в статье, открывающей раздел, «“...от непобежденного учителя”: пушкинский миф в жизни и творчестве Владимира Васильевича Гиппиуса» (*Е.Л. Куранда*). В связи с избранным подходом речь здесь идет не просто об «образах искусства», но о смешении жизни и искусства, которое особенно четко реализуется в термине «литературная репутация». Такой двойственный ракурс и обуславливает саму методологию статьи — *биографическую герменевтику*,

прочитывающую жизнь человека как некий текст. В целом автор реконструирует пушкинский миф, включенный в биографический миф Гиппиуса, с использованием постструктуралистских «психотехник». При этом главной бинарной структурой этого мифа становится «нераздельность-неслиянность» текста жизни и текста искусства: показывается, как «пушкинская мифотема» (явление вполне литературное) оказывает прямое влияние на личность Гиппиуса.

Пушкинская мифология анализируется и в статье *Ю.Е. Павельевой* «Преломление пушкинского мифа в творчестве М. Лохвицкой». Автор не просто описывает пушкинский миф в поэзии Лохвицкой, но показывает сам процесс его формирования, когда, встраиваясь в чуждую семиотическую систему, миф обретает новые смыслы. Хотелось бы тем не менее отметить, что иногда не совсем ясно, что понимает исследовательница под «пушкинским мифом», в связи с чем происходит некоторая путаница и часто речь идет не о пушкинском мифе, а об интерпретации образа Пушкина в различных художественных системах (что тематически соответствует второму разделу сборника). В этом смысле выгодно отличается статья *К.И. Шарафудиной* «Культурные эмблемы неомифа о поэте русской поэтической пушкинианы XIX—XX вв.», где четко очерчивается и определяется объект исследования. Исследовательница, одна из немногих, обращается к теоретическим аспектам образа-мифа, цитируя К. Леви-Строса и А.Ф. Лосева (тогда как в других случаях возникает ощущение, что авторы не анализируют пушкинский миф, а занимаются его творением). Автор статьи оригинально выявляет вторичный мифологический фон, основанный на своеобразном «смещении имен», когда на имя «Пушкин» накладывается масса других имен мифологического характера (Протей, Орфей, Ахилл и т.д.), в результате слияния с которыми «Пушкин» мифологизируется. Фактически исследовательница как бы очерчивает семантико-мифологический «фонд значений» пушкинского мифа, а потом показывает, как из этого «фонда значений» выбираются те или иные номинации, т.е. показывает сам процесс порождения пушкинской мифологии.

Раздел «Пушкинская эпоха: миф и реальность» представлен двумя статьями. Как уже ясно из названия раздела, авторы отходят от «интерпретаций» и обращаются непосредственно к «фактическому материалу». Так, в первой статье «Записки Булгарина правительству 1826 г. в контексте формирования официального языка николаевской эпохи» (*Т. Кузовкина*) применены методы культурно-лингвистического анализа. Автор показывает, как при помощи мифологических механизмов складываются официальные языковые стереотипы. Особенно интересным в статье представляется анализ газетного стиля с точки зрения беллетристических

формул и мотивов, которые как бы «сдвигают» законы соотношения реальности и ее интерпретации.

Последний раздел сборника озаглавлен «Беллетристическая пушкиниана: текст и контекст». Видимо, в этом разделе оказались статьи, которые выходили за рамки предыдущих разделов, поэтому его тематика самая разнообразная.

Так, в статье *Ю.Б. Орлицкого* «Пушкинское присутствие в заглавиях массовой стихотворной пушкинианы» исследуется семантика «заголовочного» комплекса. В начале статьи дается «типология» заглавий. Далее эта классификация проецируется уже на «материал», выявляются некоторые формальные и содержательные закономерности. В целом же в статье применен «энциклопедический» подход: максимум фактов, минимум толкований.

Справедливости ради хочется отметить, что иногда интерпретации пушкинских текстов в некоторых статьях сборника по меньшей мере не обоснованы. Так, в статье *Е.М. Темновой* «“Младшие сестры” Татьяны» произвол исследовательской воли состоит в чрезмерной «христианизации» образа Татьяны. Автор, отталкиваясь от «связи Татьяны с народом», делает логически недопустимый, на наш взгляд, вывод: народность героини связывает Татьяну «с православной верой». Однако связь Татьяны с народом — это не столько связь с духовно-православной традицией, сколько с древними мифолого-архетипическими (чуть ли не языческими) представлениями (ср. «сон Татьяны», наполненный древними мифопоэтическими образами из русского обрядового фольклора). Тем не менее в статье Татьяна предстает чуть ли не «святой». Так, утверждается, что Пушкин при описании воспитания Татьяны использовал «агиографический топос “недетскости детства”» (с. 246). Нужно сказать, что иногда одни и те же явления имеют разную «этиологию», поэтому, совпадая по форме, по содержанию они являются совершенно различными («разноприродными» в прямом значении этого слова). В этом смысле «недетскость детства» Татьяны, на наш взгляд, восходит отнюдь не к агиографическим источникам, а скорее, к романтическим представлениям об «исключительности» героев.

Кроме того, в некоторых статьях сборника при соположении литературных рядов не учитывается их принципиальная художественная разноплановость. Так, например, в статье *Л.И. Густовой* «Образ А.С. Пушкина в биографической диалогии В.П. Авенариуса “Пушкин”» В.П. Авенариус предстает как беллетрист, описавший с фактической точностью жизнь Пушкина. Авенариус, несомненно, являлся «популяризатором» истории в массовой читательской среде (и этот, по сути своей, прагматический фактор, безусловно, был важен), но тем не менее в его произведениях есть масса грубых фактических искажений², которые не позволяют говорить о нем как о «блестящем беллетристе».

Однако несмотря на частные недочеты этого издания, сборник, как кажется, выполнил свое главное предназначение — «парадоксальные сближения» позволяют по-новому увидеть пушкинскую эпоху.

Примечания

¹ См.: Кошелев В.А. Пушкин: история и предание. СПб., 2000. С. 26—76.

² См. об этом статью Кормилова С.И. «“Беллетристическая пушкиниана” как научная проблема» в рецензируемом сборнике (с. 13).

О.Р. Темиришина

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 9. Филология. 2006. № 3

**Studia Rossica XVI. Dzieło Antoniego Czechowa dzisiaj /
Redakcja naukowa Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmila
Lutevici. Warszawa, 2005. 410 s.**

В шестнадцатый том «Studia Rossica» (Варшава, 2005) вошли материалы достаточно представительной по своему составу Международной научной конференции «А.П. Чехов сегодня», прошедшей в марте 2004 г. в Институте русистики Варшавского университета. Подавляющее большинство участников представляли три страны — Польшу (13 человек), Россию (12 человек) и Германию (8 человек). Остальные государства (США, Болгария, Латвия) были представлены одним участником каждое.

С определенной долей условности материалы конференции разделены на три раздела: «А.П. Чехов. Проза», «Драматургия и театр», «Связи и влияния».

2004 г. — 100-летняя годовщина со дня смерти Чехова. И эта дата требовала от нас подведения итогов, обобщений. Заявленная тема конференции прежде всего должна была заставить участников размышлять о месте и роли Чехова в современной культуре, об актуальности творческого наследия писателя, о восприятии творчества Чехова театром и кино, о его взаимосвязях с современной литературой, о современных проблемах и методах изучения чеховского наследия.

Пожалуй, самый «больной» вопрос современного чеховедения — «жив ли Чехов»? Уже не раз приходилось читать и слышать о том, что Чехов уже устарел, что его не читают, что современный театр продолжает ставить пьесы писателя лишь в силу едва ли не дурной традиции. Осталось только призвать «сбросить Чехова с корабля современности».

Вопрос об актуальности творчества писателя ставится в двух работах выпуска.